

Лоу Цинкун, чьи мысли унеслись в далекий космос от одного лишь взгляда, опомнился и увидел, как Лю Шия тесно прижалась к его Наставнику, о чем-то с ним воркуя. К тому же эта маленькая стерва Лю Шия еще и положила руку Наставнику на спину...

Черт возьми, убери руки от Наставника, дай мне это сделать!

Лоу Цинкун в порыве чувств уже собрался вскочить, но внезапно замер, почувствовав неладное. Он обнаружил, что кое-что в районе его паха, между бедрами, вдруг величественно и грозно восстало, воздвигнув своего рода монумент, полный властной энергии...

Вспомнив недавние фантазии, Лоу Цинкун вспыхнул, как маков цвет. С трудом подавив желание пустить кровь из носа, он с каменным лицом опустил обратно на стул. Его руки беспомощно метались: то ложились на колени, то неловко дергали за пояс халата. Взгляд бегал туда-сюда, полный вины, но он не мог удержаться и то и дело бросал косые взгляды на Наставника и Лю Шия, опасаясь их чрезмерного сближения.

Линху Фэн, отпив чаю, тут же заметил, как Лоу Цинкун сидит, весь красный, смущенный, то и дело поглядывая на красавицу, а затем, осознав неуместность своих чувств в присутствии учителя, украдкой посматривает на него самого.

Эх, подумал Линху Фэн, главному герою и правда нелегко. Если бы все шло по первоначальному сценарию, он, возможно, уже давно расстался бы с невинностью и предавался бы страсти со своей возлюбленной в ночной тишине, под звездами, в горах — в любых подходящих для этого декорациях.

Линху Фэн меланхолично вздохнул: пожалуй, ему, старому ворчуну, пора исчезнуть, чтобы не мозолить глаза.

Как раз вовремя подросла А Цзю, присматривавшая за новыми слугами, и сообщила, что комнаты готовы. Линху Фэн взмахнул рукавом, унося с собой всю свою печаль, и отправился спать.

В комнате остались лишь снедаемый ревностью Лоу Цинкун и Лю Шия, вновь очарованная грацией молодого господина Линху.

Едва солнце показало из-за горизонта половину своего диска, Наньчэн уже наполнился шумом.

Лоу Цинкун привычно зашагал по оживленным торговым улицам и вскоре свернул в престижный квартал, где живут сливки общества. Здесь воцарилась тишина, даже деревья вдоль дороги, казалось, пропитались роскошью, став куда изящнее тех, что росли снаружи.

Чистые, ровные мостовые, благоухающие густые кроны деревьев, высокие заборы, алые ворота, белые стены и изящные изогнутые крыши — всё здесь дышало высокомерием и достатком.

Лоу Цинкун не замедлил шага и, не глядя по сторонам, подошел к воротам. Взглянув вверх, он увидел на табличке два позолоченных иероглифа: Усадьба Лю.

Заклепки на красных воротах слепили глаза под косыми лучами утреннего солнца. Главный вход был закрыт, приоткрыта была лишь боковая калитка, у которой скучал стражник.

Постояв немного, Лоу Цинкун подошел к нему и сложил руки в приветственном жесте:

— Прошу доложить, я младший брат вашей молодой госпожи, хотел бы с ней повидаться.

Раньше у Лоу Цинкуна были не самые лучшие воспоминания об усадьбе Лю. Не говоря уже о зяте, вечно пропадавшем в борделях, даже этот стражник был из тех, кто пресмыкается перед сильными и топчет слабых. Пресмыкательство Лоу Цинкун еще мог понять — у каждого есть желание выбиться в люди, но зачем топтать других? Лишь ради того, чтобы получить каплю удовольствия от чужих страданий, потешив свое убогое самолюбие.

Когда сестра вышла замуж, Лоу Цинкун много раз приходил сюда, пытаясь спросить, почему она, зная о нравах мужа, все же решилась на этот шаг. Тогда ему было всего десять с небольшим, и он думал, что сестра просто сбежала от тягот жизни в семье Ло, бросив его одного.

В те времена девять из десяти попыток заканчивались тем, что его прогоняли от ворот, осыпая насмешками. Лишь однажды, благодаря помощи барышни из рода Лю, ему удалось увидеть сестру, но та лишь бросила: Не ищи меня больше, — и ушла, не оглядываясь, точно так же, как в тот день, когда он проснулся и обнаружил, что она вышла замуж, а на пороге увидел лишь ее удаляющуюся красную фигуру.

Стражнику было около двадцати. Услышав просьбу, он лениво зевнул, передернул плечами и расплылся в издевательской ухмылке:

— О, ты брат той самой Мэй-эр из Дома тысячи цветов? Или брат Чу-гуна из Дома хризантем? Послушай, вы все, прежде чем приходить сюда, хоть справки наводите. У нас в усадьбе и молодой госпожи-то нет, а вы всё ходите и орете, не надоело еще?

Лоу Цинкун нахмурился, его лицо помрачнело:

— Нет молодой госпожи? А как же старшая барышня из семьи Ло...?

Стражник снова зевнул — всю ночь он проиграл в кости, и если бы не приезд госпожи, он бы уже давно спал. Ему было лень препираться с мальчишкой, и он махнул рукой, словно отгоняя муху:

— Иди, иди отсюда, не мешайся под ногами, не хватало еще, чтобы ты наткнулся на нашу госпожу. Ло Цинъюй? Не слыхал о такой. У нашего молодого господина нет жены, нечего тут родство выдумывать.

Оказалось, что сестра Ло Цинкуна после свадьбы не вела хозяйство и не выходила за пределы усадьбы, живя в задних покоях словно невидимка. Служанки, может, и слышали о ней, но челядь с переднего двора была совершенно не в курсе.

То, что сестра, выйдя замуж в семью Лю, вдруг исчезла, словно ее и не было, повергло Ло Цинкуна в гнев и тревогу. Он уже раздумывал, не пойти ли в чайные или на рынок, где всегда много новостей, как вдруг услышал позади нерешительный оклик.

Лоу Цинкун обернулся и увидел юную девушку с приятными чертами лица, одетую просто, но со вкусом.

Стоило ему повернуться, как девушка сразу узнала его. Она прижала руки к губам, пытаясь сдержать волнение и сохранить приличия, но ее глаза наполнились слезами, а голос дрогнул:

— Брат Цинкун? Это правда ты? Три года назад все говорили, что ты сорвался с обрыва. Но как ты мог оказаться в тех далеких южных горах? Даже если дядя Ло говорил, что ты отправился туда собирать травы, как Ли'эр могла в это поверить? Жаль только, что у меня не хватило сил убедить мать и брата организовать поиски.

Она разрыдалась, крепко сжимая руку Ло Цинкуна.

Лоу Цинкун чувствовал раздражение от ее всхлипов и того, что она так долго не могла перейти к сути дела. Однако Лю Ли'эр была доброй девушкой: именно она помогла ему увидеть сестру в тот единственный раз, а потом часто приходила и рассказывала о ее состоянии. Из ее слов он знал, что эта девушка, младше его на два года, часто помогала сестре в усадьбе Лю.

Если бы не тревога за судьбу сестры, он, будучи человеком благодарным, никогда не проявил бы нетерпения. Но сейчас он должен был узнать, куда она делась. Высвободив руку, он вежливо поклонился и спросил:

— Благодарю за заботу, барышня Лю. Я в порядке. Я вернулся только вчера и пришел навестить сестру, но стражник сказал, что в усадьбе нет молодой госпожи. Что это значит? Где она сейчас?

Няня, которая до этого распоряжалась слугами, переносящими багаж, увидев, что ее госпожа стоит у ворот и обнимается с мужчиной, да еще и рыдает, нарушая все приличия, поспешила к ним. Она схватила Лю Ли'эр за руку, холодно окинула взглядом Лоу Цинкуна в его дорожном наряде и сказала:

— Госпожа, не стоит терять лицо у ворот. Кто этот господин и что ему нужно — решат старая госпожа и молодой господин. Пойдемте же скорее внутрь!

Лю Ли'эр, обычно послушная, на этот раз упрямо выдернула руку. Она с виноватым видом обратилась к Лоу Цинкуну:

— Брат Цинкун, невестка... После того как ты пропал три года назад, она в сердцах покинула

усадьбу Лю и с тех пор живет в доме вашей бабушки. Прости, я не смогла уговорить ни ее, ни брата, да и мать не стала вмешиваться...

Причину ее ухода Лоу Цинкун понял без лишних слов. Больше не задавая вопросов и выдержав тяжелый взгляд няни, он поблагодарил девушку, поклонился и поспешил к дому бабушки.

Лю Ли'эр смотрела вслед мужчине, о котором грезил столько лет и который стал еще более мужественным и надежным. Вдруг она вспомнила, что Цинкун сказал, будто вернулся только вчера. Значит, он еще не знает, что Мин Мэн больше не его невеста, а стала женой его младшего брата?

Она опомнилась и, не обращая внимания на недовольный взгляд няни, вошла в ворота, то и дело оглядываясь.

Брат Цинкун будет очень огорчен, когда узнает. Но почему у меня на душе так радостно? Я не должна так думать. Но если у брата Цинкуна больше нет невесты, может, он сможет жениться на мне?

Укоряя себя за эти мысли, она невольно представляла, как выходит за него замуж. Она покраснела и глупо улыбнулась.

У бабушки жили только дядя с женой и двое их детей, ровесников Лоу Цинкуна и его сестры.

Семья бабушки была небогатой торговой семьей, а дяде, которому было за пятьдесят, едва удавалось вращаться в кругах торговцев второго сорта в Наньчэне. Можно представить, какой взрыв произвела новость о том, что Ло Биянь, наследник одного из главных боевых кланов Наньчэна, берет в жены дочь торговца. Весь город долго не мог прийти в себя.

Наньчэн был процветающим городом, важным транспортным узлом, а главное — местом, где располагались многие боевые кланы, включая Горную усадьбу Справедливости нынешнего лидера альянса, Мин Батяня.

Однако, даже породнившись с семьей Ло, торговый дом Чжао не получил никакой реальной помощи. Точнее, они ее и не просили, а семья Ло никогда не считала их ровней. Столь странные отношения были, пожалуй, единственным примером в своем роде.

Семья Чжао, конечно, не могла позволить себе жить в Восточном квартале. Лоу Цинкун снова вышел на шумные улицы Северного квартала. Всего в нескольких сотнях метров от рынка стоял дом Чжао — скромная усадьба.

Швейцар узнал молодого господина Ло, которого здесь уважали, и помнил, как тяжело переживали хозяева его исчезновение три года назад. Он тут же с почтением проводил его в главный зал, распорядился подать чай и закуски и пошел докладывать хозяевам.

Дядя Чжао как раз был дома с женой и детьми. Услышав новость, он нахмурился, в его глазах не было радости, лишь раздражение. Он беспокойно прохаживался по комнате. Госпожа Чжао, не зная, что на уме у мужа, всегда недолюбливала ту, что вышла замуж в семью Ло и забыла о родне, а вместе с ней — и брата с сестрой Ло. Она до сих пор помнила, как после того, как ее дети лишь слегка поранили руку Ло Цинкуна, бабушка в ярости заперла ее сына в родовом храме на сутки без еды, а муж, обычно души не чаявший в сыне, даже слова не сказал.

Не говоря уже о том, что на каждый праздник подарки, которые получали ее дети от бабушки, были лишь объедками со стола сестры Ло Цинкуна. Мысль о том, что эти три года Ло Цинъюй жила у них на всем готовом, приводила ее в бешенство.

Видя состояние мужа, она решила, что он тоже недоволен приходом племянника. Она пригубила чай и осмелилась спросить о том, что мучило ее с самого первого дня в этом доме:

— Господин, почему вы и матушка относитесь к ним двоим, как к святым реликвиям?

— Что за чепуху ты несешь! Женщине не положено лезть в такие дела! — рявкнул дядя Чжао.

Госпожа Чжао обиженно опустила голову, сжимая платок. В другое время муж тут же начал бы ее утешать, но сейчас он был слишком взволнован. Не обращая внимания на недовольство домочадцев, он приказал им привести себя в порядок и идти к бабушке, а сам, взмахнув рукавом, направился в зал к Лоу Цинкуну.

Раз уж три года назад он не умер, то зачем вернулся?!

Десяток лет назад отец дяди Чжао был главой личной охраны правителя государства Чжао, и он сам служил в той же гвардии. Когда Чжао пало, правитель доверил ему и его матери свою любимую старшую принцессу, которую они увезли в Великое Янь. Отец же погиб в бою, защищая правителя, и они даже не смогли забрать его тело.

О том, что у принцессы спрятаны сокровища для восстановления государства, дядя Чжао знал, но лишь потому, что его мать в старости проговорила.

Не то чтобы он жаждал этих сокровищ — к самому государству Чжао он особой любви не питал. Прошло уже десять лет, и если бы Лоу Цинкун вдруг решил восстановить страну, дядя Чжао первым бы пошел на плаху.

Именно поэтому он так не любил Лоу Цинкуна. К сожалению, его родители были преданы Чжао до гроба. Отец погиб за них, а мать готова была отдать жизнь и позволить своим детям и внукам вечно пресмыкаться перед этими двумя.

За эти годы спокойная жизнь в Наньчэне пришлась дяде Чжао по душе. Три года назад, когда Лоу Цинкун пропал, больше всех радовался именно он.

Пока Лоу Цинкун жив, дядя Чжао не может спать спокойно, опасаясь, что тот решит возродить страну и погубит всю их семью. Но убить сына принцессы своими руками он тоже не мог — величие династии Чжао, вбитое в него десятилетиями, не позволяло.

Дядя Чжао шел в зал, стараясь придать лицу спокойное, приветливое выражение, словно он — просто нелюдимый дядя, внезапно обрадованный возвращением племянника.

Лоу Цинкун с детства не жаловал этого дядю. Даже когда тот пытался выражать заботу, Лоу Цинкун чувствовал отторжение.

В моменты опасности — когда умерла мать, когда мачеха издевалась над ними, когда сестра выходила замуж за негодяя — он пытался найти дядю, но тот, как нарочно, всегда оказывался не дома или не замечал их мольбы о помощи.

Но все это в прошлом. В конце концов, он брат его матери, и Лоу Цинкун не хотел думать о нем плохо.

Пока не придет крайний срок, Лоу Цинкун не хотел срывать маски.

<http://bllate.org/book/21694/2237557>